

Григорий Медведев

Нож-бабочка

Григорий Медведев

Нож-бабочка

Москва

«Воймега»

2019

УДК 821.161.1-1 Медведев
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
М42

Г. Медведев

М42 Нож-бабочка / Григорий Медведев. – М.: Воймега,
2019. – 48 с.

ISBN 978-5-6042671-6-5

Григорий Медведев родился в Петрозаводске в 1983 году, жил в Тульской области и Москве, сейчас живёт в Мытищах. По образованию журналист, работает новостным редактором. Лауреат премий «Лицей» и «Звёздный билет» имени Василия Аксёнова.

Стихи, составившие дебютную книгу «Нож-бабочка», опубликованы в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Кольцо А». Часть текстов публикуется впервые.

ISBN 978-5-6042671-6-5

© Г. Медведев, текст; 2019
© «Воймега»; 2019

I

* * *

Август стоит на Яузе,
на невеликой реке.
Осень стоит на паузе
где-то невдалеке.

Перелетает капустница
реку, недолог полёт.
Жарко, а сумрак опустится —
холод с низин поползёт.

Но никогда не смеркнется,
птичий не смолкнет хор
для мимолётной смертницы,
хрупких её сестёр.

Не для таких — гололедица,
стужа, деревья в снегу.
Вряд ли нам выпадет встретиться
там, на другом берегу.

Лето уходит нехотя
вниз по теченью, на юг.
Где же капустница? — Нетути.
И пусто ватно вокруг.

* * *

Жизнь будет легка-легка,
только с трещиной посередине,
вроде первого на реке ледка, –
ненадёжна отныне.

Но срастается перелом
и вправляется ноющий вывих,
не тому ли вода подо льдом
учит нетерпеливых?

На Волхонке снежок, на Стромынке.
Пусть зима промелькнёт, недолга,
нам показывая картинки
цвета низкого потолка.

Из кафешного тёплого зальца
выйти как-нибудь ввечеру,
жизнь легко выпуская из пальцев,
словно пёрышко на ветру.

* * *

1

Это прабабка моя Наталья в саду.
Позади неё кущи, тьма. Над нею разлит свет.
Пережившая две мировые войны.
Пережившая трёх сыновей.
Ростом чуть выше куста крыжовника.
Держит правнука на девяностотрёхлетних руках.
Тонкие косточки птичьи не по зубам оказались веку.
Девятое августа тысяча девятьсот
непредставимого года — надпись на обороте.
И не кончается летний день.

2

Я знаю, что уже по весне, прямо под Пасху,
прабабка моя Наталья умрёт.
А потом через год, в апреле,
когда мы приедем на кладбище,
указав на могилу, на холмик сырой,
я спрошу: что там с ней стало?
И, слово едва подобрав, ответят: она истлела.
А мне по созвучию представится лист,
прошлогодняя листва на дорожках.
Так про себя навсегда и отмечу:
прабабушка стала листком.
Кладбищенским, палым, кленовым.
Ветер её унёс.

* * *

А. М.

Помнишь, как радовались каждому кругляку
медному в окиси зеленоватой,
в чёрном налёте, с надписью по ободку
с ятями и едва различимой датой.

Чаще всего они попадались весной,
когда почва осела слегка и подсохла.
Здесь, говорят, шатался народ у пивной,
осторожной, порезаться можно о стёкла.

Били бутылки, теряли копейки, потом
захлебнулись пропойцы волною Стикса.
Заведенье снесли, построили дом,
куда прадед наш въехал да пообвыкся.

Зябко в конце апреля, прозрачен сад,
неподвижны яблоня и рябина.
Двое мальчиков молча склонились над
тем, что время к берегу их прибило.

Много всякого нанесло добра:
гвозди и черепки, раковинки улиток
и, подороже золота-серебра,
горстку медяшек, листвой укрытых.

Что на эти оболочки купим? Вчерашний день.
Ни рябины, ни яблони, только воздух
опустевший, только косую тень
промелькнувших ласточек острохвостых.

* * *

Ночью время шумит, убывая,
мчит по выделенной полосе.
Путь-дорожка пылит столбовая,
неширокое это шоссе.

Помню, школьником был, шалопаем,
и уже одуванчик зацвёл,
я с уроков сбежал на футбол,
а очнулся вдруг за шеломянем.

В этой взрослой постели бессонной,
тесной жизни своей взаперти
славий щёкот и гул монотонный
слушаю до пяти, до шести.

Соловей заливается сладко,
только, братия, солон полон.
Обступила со всех-то сторон
тьма, и воет вдали Ярославка.

* * *

В боковую плацкарту подсел сосед,
голова седая, двух пальцев нет,
с обветренным и грубоватым лицом,
сказал проводнице: буди под Ельцом.
Так и так, земля, вот взял расчёт
у себя на стройке, что делать, чёрт
его знает, кризис — пройдёт ли, нет
к лету хотя бы? — Молчу в ответ.
— А то баба моя собралась рожать,
говорю, не время, надо бы переждать,
ни в какую, хочу, мол, пока молода.
Потому и мотался туда-сюда.
А теперь ни работы нет, ни хрена.
И куда мне с ней? Уж лучше б война.
На войне не стыдно, убьют так убьют,
а живой вернёшься — вообще зер гут.
Бабе легче — та может родить,
ну а нам-то куда себя применить,
если ты не хапуга и я не бандит?
Да, бабе легче, она родит.
Остаётся война либо жить в стыде,
только война неизвестно где.
Постель он не брал, навалился на стол,
не знаю, заснул ли, — я раньше сошёл.

2009

* * *

Ну да, плоховато жили,
но хлеба к обеду нам вдоволь ложили.
И в школьные наши карманы,
как в закрома,
от Родины крохи
падали задарма.

Ну да, широко не жевали,
но хлеб из-под парты жевали –
вприкуску с наукой пресной
и затажной –
вкуснейший, здесь неуместный
мякиш ржаной.

Я надевал в десятый
топорщившийся, мешковатый
пиджак (надевал и злился,
всё ждал, когда дорасту),
в котором отец женился
в восемьдесят третьем году.

И где он теперь, забытый,
с крошками за подкладкой?
Такой у меня вопрос.
На уроках украдкой
хлебом карманным сытый –
отца я не перерос.

* * *

Научись дышать пустотой.
Это отныне твой дом родной.
Что-то подобное пел БГ,
а ты ему подпевал.

Выглядело смешно.

Тогда ещё не сдавали ЕГЭ
и кассетник плёнку жевал.

Это время уже прошло.

В новом времени, в пустоте,
песен нету, а наши — те —
превращаются в белый шум.
Он идёт-гудёт,
он идёт-гудёт.

Никаких не наводит дум.

* * *

Так обречённо в феврале,
как накануне казни,
снега стоят по всей земле
от Яузы до Клязьмы.

И некуда бежать от них,
клеймёных, ноздреватых,
от пытаных снегов своих,
да поздно горевати.

Так думал неудельный князь
страны своей заплечной,
с картонным ярлыком катясь
отсюда до конечной.

Потом он брёл, косился вверх,
где вскоре вновь прописан
окажется подножный снег —
на бланке тёмно-сизом.

* * *

Лето оклеено смертью с изнанки.
Чем бы поддеть таким? Нож-
бабочка бьётся, вертясь, о фаланги,
кожу царапает сплошь.

Это без троек окончить девятый
класс и гулять дотемна.
Бабочка, бабочка, как ты ни прядай,
будешь приручена.

Лязгают узкие крылья стальные,
резво взлетают в зенит.
И, нарезаю зигзаги шальные,
лезвие воздух разит.

— Пересказать, — вопрошаю негромко, —
заданной книжки сюжет?
— Незачем, — молвят Алёшка и Ромка, —
там ничего про нас нет.

Библиотечный подклеен газетой
ветхенький том, не беда.
Бабочка, бабочка, список на лето
не дочитать никогда.

||

* * *

Я иду мимо школы шестой,
в просторечье — дебильной.
Отправляет сюда город мой,
обветшалый и пыльный,
недоумков своих на постой.

Здесь беседка-грибок
со скамейкой, и гном из фанеры
зывает на школьный порог —
руки сломаны, как у Венеры,
покоился, поблэк.

Солнце выжгло листву,
прошуршу до конца сквозь аллею,
где воспитанники наяву
приобщаются к пиву и клею.
Я неправильно как-то живу.

У кого поучиться, в какой
такой школе дебильной? Не знаю.
Расскажи-ка мне, гном расписной,
ну хоть ты, пока здешний вдыхаю
тёплый воздух, дымок торфяной.

* * *

Облетает с клёнов хохлома.
Кошка, щурясь, как от фотовспышки,
думает: вот-вот придёт зима
делать чёрно-белые делишки.

Кошке с подоконника такой
открывается пейзаж – хоть в рамку вешай;
здесь, в райцентре, вольность и покой,
тротуар разбит и воздух свежий.

Надевай колючий свитерок,
подышать сходи на дворик школьный,
ветерок доносит матерок:
детский, позвольтельный, футбольный.

Оглядись. Неспешно покури
с угостившим «Явой» футболистом,
не горят на поле фонари,
сыро, и голы не задались там.

По октябрьской затверделой тьме
возвратись, озябший и угрюмый.
Кошка размышляет о зиме,
дай ей корму, ни о чём не думай.

* * *

Потому что беспалой ладони
мало проку в перчатке, Кирилл
носит варежки, но никого не
допросится, кто б подсобил

из ребят их ловчее натянуть,
в коридорном толчётся тепле,
протирая культяпкой наледь
на стекле.

У него рюкзачок допотопный
и со сменкой дырявый мешок;
вот когда в смерть отправлюсь я, то в ней
и за тот с меня спросят грешок:

потому что ладонью беспалой
рукавиц не натянешь, Кирилл
со своей этой просьбою малой
и ко мне подходил.

Но ведь все пацаны отказали!
Как же мне? И действительно, как?
Оправданья там примут едва ли.
А пока, малолетний дурак,

я друзей на футбольной площадке
нагоняю, машу им рукой
в тёмно-синей китайской перчатке,
но с английской нашивкой «Best boy».

* * *

Перрон типовой постройки, стоянка две-три минуты.
Старухи с кастрюлями успевают браниться
и продавать свою снедь. Они круглый год обуты
в какие-то чуни. Их недолюбливают проводницы.
В городке одно развлечение – глазеть на составы,
пока отгорожен от прочего малолетством,
плюя вниз и мечтая: вот прыгнуть с моста бы
на крышу вагона и на Павелецком
очнуться, но трусишь. Скачет, как мячик,
по окрестностям грохот товарняков и скорых.
Раздражённая женщина чуть за сорок
объявляет о прибывших и отходящих.
Можно спуститься, чтобы внизу на опоре
виадука вывести угольком своё имя.
Пусть прочтут и забудут его, проезжая мимо,
а через сутки увидят море.

* * *

Выпусти пса на детской площадке,
где ржавая горка, песок, качели,
турник, чьи низкие стойки шатки.
Листья почти облетели.

Это даже не середина жизни
и вокруг не лес, а гнильца, болотце;
подойди к перекладине и повисни,
подтянись, пусть сердце сильнее забьётся.

Бывшим школьникам тонкокостным
перед кем запоздалым успехом хвастать?
Но, вдыхая жадно октябрьский воздух,
всё упорствуешь: девятнадцать, двадцать...

Подростковая, в общем-то, зависть, обида,
только зря — не разверзнется клумба
и герои дворовые из Аида
не восстанут в час твоего триумфа.

* * *

Жил каждый день, но почти ничего не помню
из того времени — только как после звонка
вошла и, на нас не глядя, сказала: «Ночью
Миша наш умер», — учительница Валентина
Егоровна — и закрыла лицо руками.
Неправда — второклассники не умирают.

Не успев таблицу доучить умноженья,
ни Родную — учебник синий — речь до конца
освоить, ни с машинами вкладыши Turbo
и Bombibom целиком собрать, третью четверть,
самую долгую, не пережил он. Через

день или два повели нас всех попрощаться.
Было начало марта. Мы входили туда,
к нему. Какие-то причитали старухи.
Миша лежал не похож на себя. Я видел
веки его приоткрытые. Мне не было

страшно — было неправдоподобно всё это;
когда его мать заголосила: «Воскресни,
сын, воскресни!» — я наконец-то заплакал:
второклассники умирают. Неба и птиц —
многого, многого он не увидит больше.

Лошадь тащила его по мёрзлому полю
почти километр, пока он в стремени бился.
Похоронили Мишу на родине — в Курской,
кажется, области или Орловской, не здесь.

Долго я, до конца весны, всё думал о нём:
что за сны ему снятся, видит ли он меня?
Но стал забывать, когда наступило лето
с насекомым царством своим и муравейным
братством, с крыжовником, с яблоками такими,
каких у нас не случилось ни до, ни после.

* * *

Хорошо созревает рябина,
значит, нужен рябинострел,
чтобы щёлкала резко резина
и снарядик нестрашный летел.

Здесь удобное мироустройство:
вот — свои, а напротив — враги;
место подвигу есть и геройству,
заряжай и глаза береги.

Через двор по несохнувшим лужам
перебежками за магазин —
я теперь не совсем безоружен,
я могу и один на один...

Дружным залпом в атаке последней
понарошку убили меня,
и всё тянется морок посмертный
до сих пор с того самого дня.

* * *

Глянцевая бумага, блёкнущие цвета,
раньше казалось, что были ярче,
или света больше тогда
нам полагалось, а ныне среда
сумрачней и обитатель старше.

Выцветший снимок: школьники у стены.
Их родители – это заметно – уже включены
главным по экономике
в строчку «Балласт», и всё, что могли они,
сложив уголком ладони,
проговорить: «Мы в домике».

Ты не знаешь пока, ставший в последний ряд,
вязаного стыдясь свитера в ромбик –
неуютной своей обнове, –
что если долго идти и оглянуться назад –
увидишь его, этот домик,
отчётливей остального.

* * *

То, что войной считалось, –
в сорок пятом осталось.
А если где-то стреляли,
если десант и разведка
кровавили каски, разгрузки, –
по-другому именовали,
по-русски,
но войной называли редко.
Помнили ту, большую,
роковую, пороховую,
на безымянных высотах,
священную, мировую,
все батальоны и батареи.
А этих старались забыть скорее,
напрасных своих «двухсотых».

* * *

От вокзала пятнадцать минут,
даже десять, и хватит рублей
на такси, только дома не ждут,
и чирикает брат воробей.

По предместьям метёт суховей,
жаркой пылью слепит из горсти.
Для Итаки уездной моей
где Гомера бы впору найти?

Здешний пятиэтажный уют
воспоёт пусть, вернее, уклад.
Оглядись — всё по-прежнему тут,
двадцать лет ли пройдёт, пятьдесят.

Только время другое на вкус —
соль привита к его веществу.
Больше соли — удерживать груз
на поверхности, на плаву.

Я добрался, родная, встречай,
не торчи там столбом у дверей.
Поцелуй меня невзначай,
чтобы стало во рту солоней.

* * *

Вот что тебе досталось –
лёгкие на помине
эти нежность и жалость
с косточкой в сердцевине.

Поговорить о них не с кем.

Летней ночью недлинной
под проливным смоленским
мокнет пух тополиный,
платье на толстой леске.

* * *

Есть большие деревья, есть пни, есть уголь.
Если выдалась хвоя – поставят в угол.

В неподвижном лесу глубоко убаюканы корни,
не болят и пенёк крутолобой землицею кормят.

Неразбавленным временем здесь наполняются ели,
еле-еле елозит еловая смерть, еле-еле.

Смерть растёт в вышину, а жизнь убывает по кругу –
грампластинкой, что странно звучит и царапает руку.

Еле-еле еловая кровь точит ствол, еле-еле,
а пахучая прочная смерть прорастает, как дерево, в теле.

2005

[30.03.10]

это частная жизнь.
связь в вагоне испорчена.
не толкайся, держись
крепче за поручень.
уже знаешь, о чём
нынче первые полосы.
ледяным сквознячком
треплет волосы.
протяни пяточок
смуглой нищенке хроменькой.
примирился зрачок
с новостной хроникой.
протяни, а потом —
поскорей к эскалаторам.
в вестибюле пустом
пахнет хлоркой и ладаном.

* * *

Я смотрю из окошка трамвая,
как вторая идёт моровая,
и моя поднимается шерсть.
Братец жизнь меня учит и братец смерть.
Я котёнок с улицы Мандельштама.
Отвези меня, мама,
в Ванинский порт, брось во терновый куст,
будто чучелко смоляное.
Только б не слышать косточек гиблый хруст
и всё остальное.

* * *

мы выросли и стали мудаками.
мир нас поймал со всеми потрохами,
перефразируя г. с. сковороду.
пришлось идти работать муравьями:
нас подсчитали, уплотнили, уравнили
и взяли на полставки за еду,
где мы состарились и скоро миновали.
мир нас поймал, мы в мире мировали
и перед сном читали ерунду.

* * *

...а в сентябре вручную давили сок
большим самодельным прессом на винтовой
резьбе; я помню, как он шипел, как медленно тѣк,
яблочным духом разя, пенящийся, живой.
это на плаху былинные богатыри
головы клали, румяные, с черенком,
кровь проливали мутную – радужные пузыри –
только ведро подставляй-уноси чередком.
и позволялось вдоволь пить из того ведра,
кружкой зачерпывая, от косточек не процедив.
спасибо, бедная родина, за то, что была щедра
хотя бы на эту антоновку и белый налив.
а впрочем, чего уж, пора обходиться без
воспоминаний, сентиментальных смут.
где-то теперь ржавеет ненужный пресс,
яблоки опадают и на земле гниют.

* * *

Две дубовые балки держат над головой
потолок этот жалкий, уголок родовой.
На покатые плечи русских кариатид
он возложен — далече им идти предстоит.
Неподвижные брёвна, тот же вид за окном,
но я вижу подробно, что уменьшился дом.
Убывает как будто за хозяином вслед,
потому — ни уюта, ни тепла уже нет.
Сёстрам время по пояс, они пробуют вброд,
не загадывая, кто из них первой дойдёт.
Не утонут, не канут, если время — вода, —
вровень с мрамором встанут, и теперь навсегда.
Я один из последних провожаю их вдаль,
не жилец, не наследник, да и гость тут едва ль.

* * *

Недолго пролежит снежок
октябрьский. Но зачем-то выпал.
Как будто у него есть выбор —
я говорю: не тай, снежок.

Твоё простое вещество
пернатых выше побывало
и стало саван, покрывало,
и прочее, и ничего.

Блуждая в сумрачном лесу,
я вспомню, как смотрел с веранды
туда, где яблони-гиганты
и снег на ветках, на весу.

Не тай за той калиткой в сад
защёлкнutoй, повремени-ка,
пока оттуда тихо-тихо —
тук-тук, тук-тук — ко мне стучат.

Ломоносов

Солнце ходило по небу, как блесна,
тучи глотали его, и была весна.
А Ломоносов – рыб знаток и светил –
бронзовым взором окрестности обводил.
Детища своего отвернувшись от,
отдохновенье обрёл сочинитель од.
Что ж, я Михайле повинной кивнул головой
и восвояси отправился с Моховой.
Тьма обступала город со всех сторон.
Я был отвергнут, но счастием одарён!
Так распадалась жизнь на неравные две.
Змейкой кружила майская пыль по Москве.
В будущее несло меня кувырком,
гром провожал архангельским говорком.
Я оглянулся кованных подле врат,
привкус свободы и пыли был горьковат.

* * *

памяти Р. А.

вот уже нам позволено умирать.
вот уже нас оставляют в покое
учителя в этой школе. как знать,
а вдруг мы всему научились. такое
бывает, и стали выпускники —
к жизни причастны, но непригодны.
общее фото на фоне доски,
вспышка — и все свободны.

* * *

Яблоня плодоносит лет пятьдесят,
если хватает сил.
Мой дед, посадивший сад,
его уже пережил.

Мы вдвоём в запустелом сидим саду,
август, трава ничком.
Поднимаю и на скамейку кладу
антоновку с битым бочком.

Дед выпрямляется, гладит кору
яблонь, кора жестка.
Верю, приговорённые к топору,
они узнают старика.

Жалко тебе их? Кивает: да.
Ветер доносит дым.
Он всё понимает и смотрит туда
куда-то. И мы молчим.

* * *

Это «Дон» – федеральная трасса.
Впереди по ней дом, сад, терраса.
Триста вёрст перелесков и пашен,
весь маршрут желтизною подкрашен.
Будто для оживленья ландшафта,
то корова мелькнёт, то лошадка,
и встаёт по ту сторону Тулы
над полянами месяц сутулый.

Я доехал, сошёл у просёлка.
Этой ночью прощального толка
хорошо мне сидеть на скамейке
под навесом, как в давешнем веке.
Двадцать лет тому – дом ещё прочен,
слом не начат и сад не подточен.
Подбираются тени к огню.
Оставайтесь, я не прогоню.

До весны разобрали теплицы.
Хорошо у костра нам сидится,
тлеет медленно стебель за стеблем,
и стоит тишина над подстепьем.

* * *

Осень. Октябрь. Торопливо желтеет листва.
Время срезает меня незаметно, едва-едва.
И, опадая на землю, за слоем слой,
я шепчу снегу: укрой, укрой.

Скоро выходит ему государить черёд,
вдоволь достанется здешним широтам щедрот.
И, окопавшись в густом шерстяном тепле,
крепко увязнем мы в тесном жилье-былье.

Но пока в силе октябрь — открою балкон,
выпью там чаю, погреюсь дымком,
птиц покормлю, прикину на глаз,
как время худое работает против нас.

Что тут поделать, такое его ремесло —
времени, то есть, — и раз уж оно пошло,
значит, дойдёт до конца, а пока
ветер царапает щёки и гонит на юг облака.

* * *

Я сплю в глубоком ноябре,
вневременном, бесснежном, чёрном.
На дне его, внутри, в нутре,
подобно неподвижным зёрнам

озимым. Заскорузла тьма
и комковата, как суглинок
снаружи, но темней тюрма
продольных створок, половинок.

Я должен развести их врозь,
расклеить, изнутри прогрызть их,
сломать и прорасти насквозь,
как зыбкий колосок, как листик.

Я сплю в глубоком ноябре
укромным сном на неудобном
зверином, жилистом одре
и коренным ростком поднёбным

у терпеливого зерна
учусь округлой ровной силе,
пока червива и жирна
земля. И обо мне забыли.

2005

* * *

зима наступает долгая, словно смерть, —
вот-вот закуёт нас в хладны свои оковы;
нужно заклеить окна и облачиться в шерсть —
на полках скопилось много всего такого.
а за окном, посмотри, — вдохновенен, сед,
хулимый старухами, воронами, псами,
по первому снегу шагает алкаш-сосед
в тапках на босу ногу и трениках с тормозами.
автор этой картины вправе тягаться с Басё:
внешняя простота и лаконичность линий
таят в себе бездну мудрости, но это ещё не всё —
и цвет этих треников такой беззащитно-синий.

* * *

Как будто выморгал соринку
и, с оптикой, другой от слёз,
впервые поглядел всерьёз
сюда. И всё тебе в новинку.
Уже, смотри-ка, дуб зазеленел,
и комариный князь Болконский зазвенел,
и братья муравейные сутулясь
шагают среди трав своих и улиц.
Оставь тяжеловесную печаль.
Она здесь устарела, как пищаль,
и через раз грозит осечкой.
Не бойся: нас и так прикроют, защитят
те, что в осоке медленно шуршат
и, легкокрылые, висят над речкой.

Содержание

I

«Август стоит на Яузе...»	5
«Жизнь будет легка-легка...»	6
«Это прабабка моя Наталья в саду...»	7
«Помнишь, как радовались каждому кругляку...»	8
«Ночью время шумит, убывая...»	9
«В боковую плацкарту подсел сосед...»	10
«Ну да, плоховато жили...»	11
«Научись дышать пустотой...»	12
«Так обречённо в феврале...»	13
«Лето оклеено смертью с изнанки...»	14

II

«Я иду мимо школы шестой...»	17
«Облетает с клёнов хохлома...»	18
«Потому что беспалой ладони...»	19
«Перрон типовой постройки...»	20
«Выпусти пса на детской площадке...»	21
«Жил каждый день, но почти ничего не помню...»	22
«Хорошо созревает рябина...»	24
«Глянцевая бумага, блёкнущие цвета...»	25
«То, что войной считалось...»	26
«От вокзала пятнадцать минут...»	27
«Вот что тебе досталось...»	28
«Есть большие деревья, есть пни, есть уголь...»	29
[30.03.10]	30
«Я смотрю из окошка трамвая...»	31
«мы выросли и стали मुдаками...»	32

III

«...а в сентябре вручную давили сок...»	35
«Две дубовые балки держат над головой...»	36
«Недолго пролежит снежок...»	37
Ломоносов	38
«вот уже нам позволено умирать...»	39
«Яблоня плодоносит лет пятьдесят...»	40
«Это “Дон” – федеральная трасса...»	41
«Осень. Октябрь. Торопливо желтеет листва...»	42
«Я сплю в глубоком ноябре...»	43
«зима наступает долгая, словно смерть...»	44
«Как будто выморгал соринку...»	45

Григорий Медведев. Нож-бабочка

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 25.07.2019
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 3.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6042671-6-5

9 785604 267165

Неторопливая, негромкая речь Григория Медведева произрастает классическим путём зерна. Так, не повышая голоса и работая приглушёнными красками, автор заставляет читателя напряжённо вглядываться, вслушиваться в происходящее в стихах: в подробности неуютя этого мира и его обитателей. Их размытые отражения в «несохнувших лужах» «бедной родины» складываются в картину общей нашей «неправильной жизни», где лирический герой наперекор всему — «счастьем одарён».

Ирина Ермакова

Поэту, по определению существу ретроспективному, всегда живётся медленно и созерцательно. «Хлебом карманным сытый» и «один на один» с вечностью — он чуть ли не единственное оправдание суматошного времени, в котором его забыли с его «насекомым царством».

Феликс Чечик

ISBN 978-5-6042671-6-5

9 785604 267165